

РОМАШКА

Рассказ

Вот уже пятый день двигался на восток, без сна и отдыха, обоз цыганского колхоза «Искра».

На пути попадались сожженные села, изрытые снарядами поля, свежие холмики могил. Кругом царили безмолвие и пустота. Людей нигде не было видно. Они прятались в наскоро вырытых землянках, под развалинами, на болотах, в зарослях кустарников.

В голове обоза в большой кибитке сидел бригадир колхоза Коста Драбыч, старый цыган. Его волосы на крупной голове подстать смоле; широкая борода покрыта налетом серебристой пыли. В правом ухе Косты поблескивала крупная золотая серьга, а в зубах дымилась неразлучная трубка с изображением смеющегося черта. Лицо Косты было беспокойно и изнурено, но во взгляде еще светилась незаурядная сила.

Рядом с Костой притаилась худая старуха. Горесть и печаль застыли на ее черном обветренном лице. С пологой горы она увидела последнее украинское село, утопавшее в зелени вишневых садов, и сердце ее сжалось от боли. «Прощай, прощай, земля-кормилица,— шептали ее губы.— Кто знает, придется ли вернуться назад».

За долгую таборную жизнь много сменили мест, но нигде так в достатке и радостно не жилось, как в колхозе. Она думала и о том, увидит ли своих сыновей, ушедших на фронт. И горькие слезы обжигали ее морщины.

На последней подводе ехала их невестка Марица. Она заботливо укрывала от утреннего холода своего сына Ромэна. Мальчик вскрикивал и улыбался во сне.

Тишину нарушил противный ноющий вой самолета. По тонкому бледному лицу матери, не отрывающей ласковых глаз от сына, пробежала тревога.

Самолет сделал круг и скрылся.

— Неужели это погибель наша?— с ужасом прошептала она.

— Что ты, мама?— пробормотал Ромэн, пробуждаясь от сна, и черные глаза его впились в испуганное лицо матери.

— Соколик ты мой!— воскликнула Марица, провожая взглядом откуда-то появившуюся стаю ворон.— Видишь, выются! Кровь чувят.— Слова эти были сказаны с такой болью и отчаянием, что Ромэн ощутил на спине покалывающий холодок. Он поднялся и зорко осмотрелся вокруг. Но не увидев ничего, кроме стада коров, рассмеялся и громко крикнул:

— Не бойся, мама, там нет немцев!— И, чтобы развеселить мать, Ромэн схватил костяные ложки, ударил ими о колено и запел старинную таборную песню, которую слышал от деда:

— Отвяжись, тоска,
Пылью поразвейся!
Что за грусть, коли жив,—
И сквозь слезы смейся!

.....

— Молодец, Ромэн!— крикнул ему Коста.— Давай! Э-э-э! Давай еще!

Тогда Ромэн поднялся во весь рост и, продолжая петь, начал весело приплясывать на месте:

— Грусть-забота не спит,
Без беды кружится:
Беззаботной душе
И на камне спится...

Звонкий голосок его был так безмятежен, что все ожили. Песня с каждой минутой ширилась, ее пели на всех подводах. И казалось, что нет уже на свете ни горя, ни тоски, ни печали.

Вдруг слева, из-за перелеска, вынырнул броневик. Песня сразу оборвалась. Цыгане молча следили за коричневым чудовищем, пересекающим дорогу. За ним стали вырисовываться силуэты танков. Некоторое время они будто не двигались, и колхозники, изо всех сил погоняя измученных лошадей, надеялись проскочить опасный участок пути. Но это им не удалось. Из башни броневой машины вынырнула серая фигура немца. Он помахал флажком, и раньше чем все успели опомниться,

раздались орудийные залпы. Затрещали пулеметы. По слышались вопли и стоны детей и женщин.

Коста выхватил из-под брезента винтовку и, приложив ее к плечу, выстрелил. Офицер, судорожно вздернув головой, повис на башне броневика.

— Гей! Держи впра..в...во! — прокричал Коста.

Испуганные кони вихрем понеслись в сторону леса. Но тут из-за кустов навстречу им вылез тяжелый танк. Коста сунул старухе вожжи, перебросил за плечо винтовку, выхватил из-под сиденья подобранную вчера на дороге противотанковую гранату и спрыгнул с повозки.

По убегающим лошадям немцы открыли огонь из пулеметов.

— А-а-а... — глухо пронеслось по полю.

Коста обернулся. Кровь ударила ему в лицо, рука крепче сжала гранату. Попыхивая трубкой, он пошел прямо навстречу танку. Башенный, зло щурясь, то и дело выпускал короткие очереди из пулемета, стараясь сразить вожака. Это был страшный поединок человека со стальной машиной. И когда расстояние между ними оставалось не больше пяти шагов, Коста взмахнул рукой, ловко метнул гранату и словно пружина отскочил в сторону.

Взрыв потряс воздух. Сросшийся с землей корпус танка приподнялся и, точно подбитый стервятник, закружил на месте, но тут же с жалобным скрежетом осел. Замершую серую громадину вместе с клубами поднятой земли окутало дымом. Но вот из люка высунулась голова башенного. Коста как будто только и ждал его появления.

— Яв ту мангардо!* — воскликнул он и быстро вскинул винтовку.

Жалом блеснул огонек, и рыжеусый немец ткнулся носом в горячую броню. Коста повернулся по направлению к лесу, куда умчались повозки, сделал шаг, но как-то сразу обмяк и стал медленно сползать на насыпь воронки.

Израненные лошади вынесли повозку Марицы к болоту и рухнули на землю. Обезумев от ужаса, Марица прижала к себе сына. На них полз еще один танк. Теперь уже уйти было некуда. Страшный толчок, от которого

* Будь ты проклят! (цыг.).

разлетелись колеса повозки, вырвал из ее рук мальчика и отбросил в сторону.

Охваченный страхом, Ромэн отполз подальше, в окопу, и стал отыскивать глазами мать.

— Ма-ма! — беззвучно позвал он и бесчувственно ткнулся в траву.

Августовское солнце ходило вокруг мальчика и, словно утешая, ласкало его последними теплыми лучами. Где-то далеко прерывисто гудели моторы танков, рвались орудийные снаряды и полыхало замирающее русское «ура»... И вдруг Ромэну представилось, что он вместе с дедом Коста шагает среди вражеских танков и крушит их гранатами. Горят, словно смоляные костры, серые чудовища с белыми крестами на бортах. Валяются на землю враги в серых касках, точно мертвые мухи.

Ромэн очнулся поздно вечером. Бой уже кончился. Лишь на востоке небо озарялось яркими вспышками. Боясь поднять голову, мальчик стал прислушиваться, но не успел он опомниться, как большие руки потянули его к себе.

— Не бойся! Свои мы! Как тебя зовут, сынок?— спросил высокий бородатый человек, похожий на Коста. Это был командир отряда Павел Евлютин.

— Ромэн,— вполголоса ответил мальчик, всматриваясь в красную звездочку на фуражке военного.

— А-а... Ромашка, значит. Ты чей?

Ромэн закусил губу и молча указал рукой на поле, где валялись разбитые цыганские повозки.

— Понятно. Мал ты, сынок, да что поделаешь... К нам в отряд пойдешь?

— Пойду,— робко ответил Ромэн, поеживаясь от холода.

— Озяб?— Евлютин набросил на мальчика свою телогрейку.— Будь они прокляты, убийцы! Эко, ведь во семьдесят три души загубили. Ни женщин, ни детей не пощадили, мерзавцы.

Услышав это, Ромэн пошатнулся, колени его подкосились и он опустился на траву. С минуту он сидел в оцепенении, потом поднялся и бросился к середине поля. В одной из воронок он увидел сидящего Коста. Ветерок зашевелил бороду старика. Глаза его были закрыты.

«Неужели живой?» — обрадовался было мальчик.

Коста сидел неподвижно, закоченевшие руки сжимали трехлинейную винтовку. Трубка валялась рядом. Поза Косты была такая, словно он сторожил своих спящих соотечественников.

Ромэн опустился на колени, горячо поцеловал руку старика. Потом снял с него ремень с висящим на нем ножом и надел на себя, а трубку спрятал в карман.

— Не твой ли отец?— спросил командир.

— Нет, это мой дед. Отец на фронте, а мать там... у болота.— Голос мальчика задрожал и оборвался.— Закопайте их...

— Сделаем все как надо, сынок!

И Евлютин отдал приказ хоронить погибших.

Когда могила была засыпана, партизаны выстроились во фронт. Евлютин повернулся к строю:

— Товарищи! Перед могилой невинных жертв фашистов поклянемся драться не щадя своей жизни!

— Клянемся!— торжественно ответил хор мужских голосов.

Это были самые тяжелые для нашей Родины дни. Немцы подошли близко к Москве. Двигаясь в тылу наступающих фашистских войск, отряд Евлютина во второй половине октября вышел в район унечских лесов.

На станцию один за другим прибывали составы с горючим и боеприпасами. Все здания и пути зорко охранялись солдатами. Время от времени они прочесывали близлежащие леса и деревни. Ходить в разведку становилось все труднее.

...Хмурым утром разведчики возвратились в лесной лагерь.

— Ну, что скажешь, Кеша?— обратился Евлютин к худощавому парню.

Кеше не исполнилось еще семнадцати лет, но он уже был лучшим разведчиком в отряде и мастер на все руки, а третьего дня из-под носа эсэсовцев угнал машину с боеприпасами.

— Ничего пока не придумал, товарищ командир!— ответил парень с досадой.— Сблепили, проклятые, всю станцию, да так, что ни с какого боку не подберешься.

— Плохо,— Евлютин помолчал, щипнул бороду и добавил озабоченным голосом:— Все это так, но время не ждет, надо найти выход.

Ромэн слышал этот разговор. Он вошел в палатку командира и сказал:

— Дядя Павел! Дайте мне мины, я проберусь к эшелонам.

— Ты вот что, не лезь куда тебя не просят. Здесь не игра для малышей! — буркнул начальник штаба и недовольно отвернулся.

Ромэн сверкнул черными глазами в его сторону:

— Я не детка! Я пионер! — и побелел от обиды.

На лицах бойцов заиграли улыбки.

— Смелый паренек!

В палатку, виляя хвостом, вошел кудлатый пес Пират. Как-то его привели партизаны из сожженного села, и он чувствовал себя здесь совсем по-свойски. Пес лизнул руку Ромэна и тотчас же разлегся у его ног.

— А что, если... — пробормотал в задумчивости Кеша, ощупывая прищуренными глазами дворняжку. — Идея! Ей богу идея! И тут он, пристукнув каблуками поношенных сапог, вытянулся перед Евлютиным:

— Товарищ командир! — выкрикнул Кеша. — Прошу передать в мое распоряжение Ромэна и Пирата. Обещаю операцию провести на «отлично»!

Начальник штаба передернул плечами:

— Ну, это уж слишком! Настоящий цирк. — Похожие на воробьиные хвостики усы его сердито зашевелились.

Партизаны рассмеялись. Улыбнулся ласково и командир. Он несколько секунд вглядывался в побледневшее лицо Ромэна. Потом протянул руку и, поворотив копну растрепанных волос мальчика, сказал:

— Я подумаю, ребята. А теперь ступайте.

* * *

Шел мелкий осенний дождь. Кеша осторожно вел в угрюмых сумерках своих помощников. Через плечо Ромэна была перекинута сумка: в ней лежали шесть мина-магниток. Сзади него, настораживая уши, покорно плелся Пират, также нагруженный минами в переметных сумках.

Было около полуночи, когда друзья пересекли широкий овраг и подошли к насыпи. Дальше пробирались ползком. У фундамента сгоревшей будки они притаи-

лись. До составов оставалось метров двести, не меньше.

— Здесь выползешь на линию,— прошептал Кеша, очертив рукой темноту.

Ромэн огляделся.

— Пират не подвел бы,— продолжал вполголоса Кеша.— Начнет брехать зря, тогда — смерть. Обратишься в Городничее. Переждешь у тети Даши. Ну, Ромашка, желаю успеха.

Ребята обнялись.

Ромэн передвинул сумку на спину, осторожно пополз к составам, за ним, не отставая, двигался Пират. Юркая фигурка мальчика слилась с черными шпалами.

По обеим сторонам эшелона навстречу друг другу шагали часовые.

— Шарк, шарк, шарк...— скребли о гравий кованые сапоги немца.

— Гр..р...гр..р...— заворчал Пират. Немец остановился. Ромэн слегка ударил пса по скуле. Тот сразу замолчал.

— Шарк, шарк...

«Уходит»,— Ромэн подполз еще ближе и нырнул под цистерны с горючим. Снова, как назло, появился патруль. Ромэн прижался к шпалам, замер.

— Тук-тук...— тревожно стучало сердце.

Тусклые огоньки фонариков энергично шарили между составами.

Прошло не меньше пятнадцати минут, прежде чем Ромэну удалось вытащить из сумки Пирата первую мину и примагнитить ее к цистерне. Мальчик ловко прополз еще несколько метров вперед и прицепил вторую. Затем, выбрав момент, перебрался под другой состав.

Добросовестно работал и Пират. Он даже прижимался к земле раньше, чем его друг, и, уткнув морду в передние лапы, следил горящими глазами за ногами немецких солдат, готовый защитить своего друга.

Вдруг впереди состава послышались выстрелы. Это Кеша снял одного из часовых, чтобы вызвать замешательство и отвлечь внимание солдат от цистерн.

Ромэн видел, как один за другим пробегали немцы, слышал их тревожный, отрывистый говор. Прицепив последнюю мину под вагон, в котором отдыхал сменный караул, и освободив себя и Пирата от сумок, Ромэн задумался: «Как же выбраться отсюда?».

Дождь то утихал, то с новой силой глухо барабанил по крышам вагонов. Прижимаясь к земле и непрерывно осматриваясь, мальчик медленно крался на животе тем же путем, которым приполз сюда. Наконец он выбрался к крайнему составу. Оставалось пересечь последнюю линию, сползти с насыпи и пробраться к кустам. Но когда он начал спускаться с насыпи, взвилась ракета и осветила все вокруг. Перед мальчиком словно из-под земли выросла черная фигура в блестящем плаще.

— Хальт!

Ромэн вскочил на ноги и бросился в сторону. Немец схватился за ружье, но в это время Пират с отчаянным лаем прыгнул на него и сбил с ног. Второй, огромный немец, ударил собаку ногой. Пират словно осатанел. С яростью рвал он зубами то полу плаща, то штаны своей жертвы. Раздались выстрелы. Поднялась тревога.

— Мальчишка, где мальчишка? — кричал эсэсовец.

Ромэн во всю прыть мчался прочь от станции. Изредка он ложился на землю, чтобы прислушаться. Потом опять бежал. Дышать стало тяжело, в груди появилась режущая боль. Вскоре он выбрался на распаханное поле, но ноги отказывались двигаться дальше. Мальчик постоял несколько минут, чтобы набраться сил. И тут он вспомнил о Пирате. Сердце его заныло. Неужели пропадет? А какой умный, какой верный пес. Раздался взрыв. Ромэн обернулся. Красные языки огня вырвались в темное небо, освещая косые нити дождя. Вслед за этим донеслись раскатиисто еще три сильных взрыва. Это рвались мины, заложенные партизанами вдоль пути.

— Вот здорово! — захолопал в ладоши Ромэн, но радоваться было некогда. Мальчик ускорил шаг.

Рассвет едва забрезжил, когда Ромэн достиг деревушки.

Тесно сбитые в ряд домики тревожно притаились у дороги. Шныряя в огородах, Ромэн наконец набрел на дом, где жила одинокая колхозница, тетя Даша. Но почему сорвана дверь? Заглянув в выбитое окно, он почувал неладное.

— Тетя Даша! — негромко позвал Ромэн.

Ответа не последовало. Мальчик юркнул в сени и замер в углу. Постояв немного, он тихонько скользнул в избу. В ней было пусто. Ромэн вышел из дома и пробрался в соседний огород, где стоял стог сена. «Обожду

здесь», — решил он и, зарывшись в сено, тотчас же уснул.

Утром эсэсовцы на мотоциклах промчались мимо деревушки. Рев моторов разбудил мальчика. Разворотив сено, он осторожно выглянул. Неподалеку от стога стояла девочка и грызла яблоко. Ее белокурые волосы выбились из-под голубенького платочка, покрывавшего голову. Девочка с любопытством рассматривала лежавшую у стога чужую собаку.

Чудом уцелевший Пират по следам нашел своего друга и теперь спокойно спал. Увидев высунувшуюся всклокоченную голову, сверкающие черные глаза, девочка испуганно попятилась. Но прежде чем она опомнилась, Пират уже был около Ромэна. С минуту они катались клубком. Ромэн целовал морду пса, а тот от радости лизал его лицо. Потом, отряхнувшись, стал носиться вокруг ребят.

— На место! — остановил разыгравшегося пса Ромэн.

Пират, понурив голову, поплелся к стогу.

— Мы к тете Даше, — объяснил Ромэн вполголоса.

Девочка уставилась на мальчика широко раскрытыми голубыми глазами.

— Ее вчера увезли эсэсы, — жалобно ответила она. — А ты кто?

— Я Ромэн. А так меня все Ромашкой зовут.

— Как зовут тебя? — переспросила девочка.

— Ромэн, — ответил он, не сводя глаз с яблока, которое девочка зажала в кулаке.

— А меня Настенькой. — Она помолчала. — Ты, наверное, есть хочешь?

— Да-а, — протянул тихо Ромэн.

— Подожди, — сказала Настенька, живо направляясь к дому.

Минут через десять она принесла несколько картофелин, кружку молока и большой кусок хлеба.

Ромэн отломил половину краюхи и протянул Пирату.

— Разве ты не знаешь, что тебя ищут? Тут поп Никодим еще утром обошел все дома. Все спрашивал, нет ли кого чужих. У нас говорят, и тетю Дашу он выследил.

— Господи! Вот наказание мне с тобой, — запричитала внезапно появившаяся молодая женщина, искоса

глядя на Ромэна.— Да что ж это такое? Погубишь всю деревню!

Настенька испуганно отскочила от Ромэна.

— Сожгут. Постреляют немцы...— не унималась женщина.— А ты что тарачишь глаза?— прикрикнула она на мальчика.— Ступай отсюда, чтоб твоей ноги здесь не было.— Она схватила с земли палку и замахнулась на Ромэна.

— Что ты, что ты!— воскликнула Настенька.— Ему днем нельзя, ему нужно прятаться.

— И тебе всыплю. Не приваживай чужих.

Настенька отбежала и беспомощно посмотрела на Ромэна.

Ромэн кинулся прочь, за огород.

Однако, когда женщина ушла, он опять залез в свое теплое убежище, забрав с собой и Пирата. Уходить с этого места он пока не собирался. Нужно было, как условились, дожждаться Кену.

К вечеру фашисты стянули к лесу три батальона солдат. На окраине деревушки расположился штаб. Связисты установили рации и потянули к ротным штабам телефонные провода. Ромэн сообразил, что рано утром начнется операция против партизан. «Но как же быть? Надо, чем только можно, помешать...»

Дождливые тучи по-прежнему громоздились в небе.

Дождавшись полуночи, Ромэн вылез из стога. Заделав отверстие, чтобы Пират не вылез, мальчик посмотрел, как идут провода, и поспешил к большому оврагу. Легко скользя с одного места на другое, Ромэн перерезал ножом линию связи. Колючий ветер насквозь пронизывал его ветхую одежонку. Озябший и усталый, он крался огородами к стогу. И вот, когда оставалось проползти всего лишь несколько метров, случилась беда. Мальчика заметил поп Никодим, который, пошатываясь, брел с ночной попойки. Увидев незнакомого мальчишку, да еще в такой час, Никодим насторожился и двинулся вслед за Ромэном. Обойдя несколько раз вокруг стога, поп услышал тихий, радостный визг собаки и ласковый голос мальчика. Никодим сразу же протрезвел. Его лисья физиономия с заплывшими глазками еще более вытянулась.

— Да простит мне бог прегрешения мои, аминь!

прошептал он и, подхватив длинными пальцами полы подрясника, поспешил к немецкому штабу.

Утром, когда Ромэн безмятежно спал, обняв своего лохматого друга, к стогу тихо подошел сам майор СС Хайзенберг. Быстрым движением он вскрыл лаз и выволок за волосы мальчика. Пират выскочил из своего убежища и бросился на чужого. Однако сухопарый Хайзенберг успел ногой нанести собаке такой сильный удар, что пес, откатившись от него кубарем на несколько шагов, уже не мог подняться и только жалобно скулил.

Ромэн стремительно повернулся всем туловищем и ударил фашиста в живот.

— А-ах ти гадин! — Хайзенберг еще крепче вцепился в курчавые волосы мальчика. — Ну-ка гляди на меня. Ты есть храбрый малшик...

— Пу-сти! — Ромэн, сверкнув глазами, схватил обеими руками руку эсэсовца, пытаюсь оторвать ее от своих волос.

Хайзенберг рывком поднял в воздух Ромэна.

— Москву видишь? А? Скажи, пожалуйста, видишь?

Ромэн, закусив губу, молчал.

— Корошо! Очень корошо! — Хайзенберг опустил мальчика на землю и потащил в сторону штаба. — Не скажешь, где есть партизаны, я буду тебя корошенько всипайть!

Разозленный тем, что подготовленная им карательная операция против партизан не удалась, Хайзенберг старался выместить всю свою злобу на мальчике, то и дело награждая его тумаками.

Когда они поравнялись с колодцем, Ромэн сделал еще одну попытку вырваться. Острые зубы его впились в руку врага. Тот вскрикнул, но другая рука его схватила мальчика за горло. Дыхание Ромэна остановилось, он невольно разжал зубы. Хайзенберг грубо толкнул Ромэна кулаком в грудь. Мальчик упал. Фашист наступил ему сапогом на живот.

— Я буду тебя вешать вниз головой! Вон там, на этот палька! — он показал на шест. С ледяным спокойствием Хайзенберг подтянул цепь, намереваясь связать ею ноги Ромэна.

Видевшая все это мать Настеньки мигом очутилась у колодца

— Пан, пан, оставь его! Видишь, это цыган! Он не виноват.— Она вдруг рванула из рук Хайзенберга цепь и загородила собой мальчика. Ромэн ужом скользнул за сруб колодца и исчез в прогоне. Хайзенберг выхватил из кобуры револьвер. Женщина испуганно отпрянула.

— Руссиш партизан! — Он со всего размаха ударил ее по лицу рукояткой револьвера.

— Ну, что ж, бей, паршивая тварь! — воскликнула женщина.— Придет время — костями ляжете на земле нашей!

Хайзенберг выстрелил в нее несколько раз подряд.

— Мамочка! — закричала не своим голосом Настенька.

Женщина повернула голову в сторону дочери и упала замертво.

Крик девочки напомнил Хайзенбергу о цыганенке. Ярость снова зашевелилась в нем. Он носком сапога оттолкнул труп женщины и, обернувшись к сбежавшимся на выстрелы солдатам, приказал:

— Окружить деревню! Из-под земли достать мне мальчишку!..

Услышав крик Настеньки, Ромэн остановился. Если ее поймают, угонят в гитлеровскую Германию. Он упал на землю и по-кошачьи пополз обратно. Настенька, бледная от страха, прижалась к двери своего дома.

Ромэн кинулся к ней, схватил ее за руку:

— Бежим!

Опрометью припустились ребята через овраг в поле. Вскоре их нагнал очнувшийся от удара Пират. Наконец они добрались до южного перелеска. Настенька едва переводила дыхание.

— Ох, не могу больше!

— Молчи,— строго сказал Ромэн, зорко осматривая из-за кустов дорогу.

— Эй, Ромашка! — раздался вдруг сзади знакомый голос.

— Кеша!

Оказывается, Кеша, нарядившись пастухом, давно искал его. Не найдя в деревне ни тети Даши, ни мальчика, Кеша решил дожидаться в лесу сумерек и снова отправиться на поиски. Тут он и увидел ребят.

Ромэн бросился к Кеше. Оба они долго обнимали друг друга.

— А это кто? — указывая на Настеньку, спросил Кеша.

— Наша она. У нее мать убили...

Настенька опустила голову. Тяжелые слезинки катились из ее глаз.

Кеша глубоко вздохнул.

— Ну, что ж, пошли, раз такое дело.

И друзья зашагали по извилистой тропинке в глубь шумящего леса.